

УДК 008+72+7.0

DOI: 10.17223/22220836/22/11

Т.В. Чапля

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО АРХИТЕКТУРЫ

Статья посвящена исследованию взаимозависимости развития форм коммуникации и архитектуры в истории человечества. Автор уделяет особое внимание выявлению новых форм в структуре архитектурной композиции, появляющихся в определенные исторические периоды, и их взаимосвязи с представлениями человека о мире и о самом себе. В конце статьи автор дает определение коммуникативного пространства архитектуры как способа и формы организации внешнего и внутреннего пространства сооружений, отражающих и диктующих определенные нормы и правила поведения в обществе.

Ключевые слова: *архитектура, ордер, коммуникация, взаимодействие, коммуникативное пространство.*

Общество, как известно, развивается и функционирует благодаря коммуникативным связям между людьми. Все, что на протяжении своей истории человечество создавало и создает, отвечает его потребностям не только в практическом, но и духовном плане, образуя тем самым определенную коммуникативно-образовательную среду. На указанную взаимосвязь обратили внимание современные исследователи. Так, О.Т. Лойко и С.В. Дрыга отмечают, что российское образование выступает неотъемлемой составляющей коммуникативного процесса [1. С. 466]. Культура и искусство, которые отражают эти процессы, развиваются параллельно с формами коммуникации, отвечающими потребностям общества.

Одной из таких форм организации и формирования коммуникативного пространства является архитектура. Ее можно считать одной из первых форм организации разного рода форм взаимодействия внутри человеческого общества, а также системой, определяющей «типологию отношений между людьми и обществом, объединяя при этом приоритет личных и общественных отношений...» [2. С. 80]. С древности человек искал защиты от воздействия окружающей среды либо в естественных пещерах, либо строил себе небольшие сооружения. Причем если говорить о первых формах взаимодействия человека со средой и с себе подобными, нетрудно заметить, что изначально, до тех пор пока общество было относительно однородным, пространство, в котором проживал человек, тоже было достаточно однородным, без каких-либо глухих перегородок. Информация, циркулирующая в таком обществе и имеющая жизненно важный смысл, передавалась «по кругу» у костра или другого источника света, тоже и очаг внутри жилища располагался в центре, тем самым человек с раннего возраста привыкал к определенной форме возникновения и организации взаимодействий. Следовательно, если рассматривать историю развития человечества и историю развития архитектуры, то можно проследить взаимосвязь организации коммуникативного пространства архитектуры и форм коммуникации того или иного общества. «Сочетание

вертикальной оси и горизонтальной плоскости (изначально – поверхности земли) образует первичную схему пространства, в которой обитает человек... Человек выделяет в пространстве наряду с направлениями, которые объективно заданы, направления, определяемые положением его тела: вперед, назад, влево, вправо. Эти направления не существуют вне связи с конкретной позицией, но имеют большое значение для организации поведения...» [3. С. 42, 45].

В результате можно наблюдать зависимость организации предметного мира среды и форм поведения (средовый подход к изучению архитектуры).

По мере дальнейшего развития человека в Античности уже можно наблюдать не только усложнение архитектурных построек с точки зрения внутренней организации (как и усложнение социальной структуры общества), но и внешних форм, которое вылилось в возникновение ордерных систем. Именно ордер, по мнению А.В. Иконникова, является отражением выражения, что человек есть мера всех вещей, именно такое «содержание стоит и за обращением к антропоморфным символам античных архитектурных ордеров. Ордерные закономерности, пронизывающие структуры зданий и ансамблей, образно утверждают подчинение городской среды человеческому началу» [4. С. 122].

Таким образом, архитектура на своем языке с помощью пластической формы сообщает нам о существующих в том или ином обществе формах человеческих отношений и о представлениях о мире и окружающем пространстве. Это можно заметить на различиях смыслового значения использования колонн в египетском и эллинском искусствах.

Так, египетская колонна отражала мифологические и религиозные представления о потустороннем мире, в то время как греческая – выражала представления о реальном мире, о законах тяжести, об устойчивости каменной стойки и балки. Это было связано с тем, что греки в основу формообразования клали материалистические основы философии, а не образные представления о загробном мире. Именно благодаря философии мы узнаем о понимании космоса как прекрасного миростроения, созданного из противоположных начал, о гармонии, основанной на соразмерности, следовательно, греческий ордер и есть результат соразмерности всех величин одной – модулю. Также здесь можно проследить параллели с теорией чисел пифагорейцев, в которой триада (три точки) определяли плоскость – путь движения линии. Именно триада являлась первым совершенным числом, так как представляла собой гармонию противоположных начал – четного и нечетного – и показывала процесс развития: начало, середину и конец. Получалось, что эта триада составляла основной закон жизни, и именно она легла в основу ордера, в котором преобладает трехчастное деление. При этом нужно заметить, что пропорции ордера не были стабильны и напрямую зависели от общего размера сооружения и смыслового значения, которое в него вкладывалось. Римлянам удалось включить в систему арки, сочетая их с ячейкой ордера из колонн и антаблемента – это стало началом процесса универсализации знаковых систем архитектуры и универсализации форм жизни, развивавшихся в римском обществе.

В Средние века изменилось отношение человека к миру и к себе подобными. Можно сказать, что преобладающим стало общение с потусто-

ронным миром, организованное по вертикали, а в горизонтальном срезе оно приобрело более усложненные формы, что нашло свое отражение в социальной организации общества, в преобладании символического мышления, работающего по принципу иерархизации и символизации. В соответствии с этим изменяются и формы, структура и предназначение архитектурных сооружений. Если в горизонтальной плоскости, на уровне обыденного общения, преобладают все еще малорасчлененные формы – роль стен все еще выполняют ковры или занавесы, то на уровне официальных сооружений преобладает вертикаль.

Любое произведение архитектуры можно рассматривать как представление о человеке и человеческом, о социально значимых идеях и ценностях. В Средние века «собор мог помочь познать смысл существования... По сути, это происходило двумя способами. Во-первых, собор был «зеркалом мира». Его иконографическая программа соединяла земную и небесную сферы внутри многосложного повествования, в виде *Biblia pauperum* рассказывающего неграмотному человеку об истории мира с первого дня творения, о догматах религии, о примерах святости, об иерархии добродетелей, об уровнях наук, искусств и ремесел... Во-вторых, архитектура сама по себе была проявлением упорядоченного христианского космоса...» [5. С. 740].

При этом внутреннее устройство храма, его форма тоже полностью соответствовали символическим прочтениям христианской парадигмы. Трем сословиям общества Средних веков соответствовали три материала, использованных при строительстве Иерусалимского храма (золото – символ созерцательной жизни, дерево – символ активной жизни, камень – символ священнической жизни); такое же трехчастное деление имеет внутреннее устройство храма, которое отражало три степени спасения и одновременно соответствовало трем сословиям. Подобные же соответствия можно проследить на уровне цифры «четыре»: план церкви мог иметь крестообразный вид – символ Распятия и четырех оконечностей креста – символ сторон света и также представление о церкви как о человеческом теле (алтарь – голова, рукава трансепта – руки, корабль – тело) и т.д. В итоге вслед за С.С. Ванеяном можно сказать, что в средневековой архитектуре к привычным характеристикам мироздания добавляются моральные оценки и идея Божьего промысла.

С точки зрения структурной организации в средневековых соборах, особенно в готических, происходит создание ложного представления о нем: человек, находящийся внутри, не видит сложной системы, распределяющей нагрузку от сводов и передающей горизонтальные усилия распора на мощные контрфорсы, в результате чего сами своды кажутся противоречащими каменной конструкции. Попадая внутрь храма, человек оказывался в пространстве, которое заставляло его видеть и испытывать определенного рода эмоции. Самым освещенным в здании было пространство на уровне алтаря, и прихожанин невольно вынужден был поднимать голову вверх, тем самым задавалась линия взаимодействия человека с Богом. То же самое происходило и на уровне внешнего восприятия: улицы средневековых городов были, как известно, узкими и темными, и когда человек выходил на площадь перед собором, то его глаза невольно поднимались к храму, к свету и само тело собора казалось весьма большим и величественным.

В Средние века начинается бурный процесс урбанизации, который породил новые особенности коммуникативного пространства, организуемого с помощью архитектурных построек. Системы городских ансамблей, особенно со времени Ренессанса, стали «формироваться как залы под открытым небом – замкнутые, завершенные, подчиненные главному зданию» [4. С. 14]. Свидетельством этого стало возникновение прямой перспективы улиц, пронизывающих города. Постепенно это ведет к усилению тенденций упорядочивания, что в итоге стало воплощением идеи единого волевого начала, лежащего в основе абсолютизма. Ярким примером изменений в общественной жизни и ее переориентации с «небесного собеседника» на земного монарха (смена вертикали вновь горизонталью) стало строительство Версаля – как центра жизни.

Подтверждением этого можно считать процессы, протекавшие в архитектуре барокко. В этот период возникают большие городские ансамбли, которые поражали своей масштабностью, в них человек просто терялся. Сооружения начали поражать своей грандиозностью, с ними соревнуются городские площади, которые находятся в постоянном взаимодействии. Потеря опоры в сознании привела и к потере опоры в ближайшем пространственном окружении, здание перестало восприниматься как нечто отдельное, оно стало частью целого ансамбля (сливалось с площадью на уровне города, с садом – на уровне частного владения). Одновременно с этим здание начало выполнять представительские функции, примером этого стало развитие парадных лестниц. Так, например, Бернини при возведении лестницы в Ватикане сознательно сузил ее кверху, чтобы фигура папы, стоящего наверху, казалась больше и величественнее. Это является доказательством того, что архитектура призвана еще и формировать у общества, проживающего в ее границах, определенный образ ее хозяина и тем самым диктовать определенные формы поведения внутри помещения. В целом можно сказать, что «архитектор барокко мыслит проектируемое здание как элемент окружающей среды, как часть безграничного пространства. Фасады барочных построек ограничивают не только замкнутое пространство сооружения, но и пространство улицы, площади. Соответственно, мастер барокко включает в окружающую среду, стремится связать ее с природным окружением, а для этого он делает плавные, мягкие очертания, растворяет контуры здания в воздушном мареве, превращает стену в ширму, которая «работает» на две стороны условно, разграничивая внутреннее и внешнее пространство...» [6. С. 97].

Потеря ощущения ограниченного пространства после открытия Галилея в архитектуре вылилась в распространение анфиладных помещений, по которым человек перемещается как по бескрайним просторам. Возведение больших построек с большими внутренними пространствами, характерными для дворцовых зданий, породило и определенный тип поведения и разговора: шаги в таких помещениях звучали весьма звонко, что невольно заставляло замедлять шаг и ступать более мягко, а беседа, чтобы не стать достоянием всех, велась вполголоса. Эти же изменения породили и изменения в структуре самой речи. В XVIII в. в моду вошло употребление множественного числа, что также свидетельствовало о потере определенности. Весь

смысл разговора читался не в словах, а между слов, в интонациях и определенных обертонах речи.

«Классицизм не стремился создавать «зрелища», отделенные от повседневной жизни, рассчитанные на созерцание извне. Свои нормы упорядоченности он предлагал как модель поведения людей в жизненных ситуациях, а среду формировал как декорацию, внутри которой должно разворачиваться театрализованное поведение. Образы, лежащие в основе классицистической сценографии, стали действенным средством моделирования среды, оказывая влияние на структуру города в целом» [4. С. 125].

Процессы, начавшиеся в конце XVII и в XVIII в., к XIX в. привели к коренным изменениям не только в формах коммуникации, но и в формах организации пространства – в архитектуре. В этот период можно говорить об исчезновении целостности в восприятии мира и человека. С момента первой научной революции, когда человек потерял прочную опору под ногами, эти процессы шли только по нарастающей и привели к тому, что само общество стало настолько разнородным, что найти себя среди себе подобных человеку становится все труднее. В искусстве в целом и в архитектуре в частности это привело к возникновению эклектизма. Внешне это означало потерю правил внутреннего построения архитектурной композиции и подчинения структуры художественному образу, организация архитектурного пространства стала чисто рационалистическим процессом.

В предшествующую эпоху господства классицизма предполагалось строгое сочетание симметрии объема и его фасадов с асимметричностью структуры внутреннего пространства, соответственно человек, живущий в такой строго организованной среде, должен был постоянно ощущать себя в симметрично организованной среде. То есть испытывать чувство защищенности, но как только подобного рода порядок разрушается, человек теряет опору и испытывает чувство страха или незащищенности перед этим хаосом мира и общества, состоящего из разрозненных индивидов.

К этому можно добавить расширение круга информационных источников, географических границ, появление репродукционной техники, формирование и распространение массовой культуры и к концу XIX в., по мнению А.В. Иконникова, это привело к тому, что общепринятый язык символов перестал существовать. В архитектуре это нашло отражение в распространении ордерных композиций, основанных на повторении ордерной ячейки, но такие композиции «не имели ни выявленного центра, ни завершающих акцентов на флангах; между ярусами архитектурных ордеров не было качественного различия» [4. С. 19]. Подобную ситуацию можно рассматривать как результат процессов, сопровождающих развитие конвейерного производства в экономике, что в архитектуре вылилось в те же понятия – серийность и стандарт. По словам А.В. Иконникова, на практике это привело к формированию городской среды по принципу «дом – город». В некотором смысле мы получили возврат к временам архитектуры А. Македонского, когда была разработана четкая методика планировки городов. Только в 20-е гг. XX в. материалом для формирования города стали дома, которые выстраивались вдоль главных городских магистралей. Такого рода размещение домов приводит к формированию определенного восприятия внешней среды как чего-то па-

радного, что должно дисциплинировать поведение граждан, проживающих в данном городе.

Утверждение функционализма в архитектуре связано с утверждением представления о том, что архитектура должна выполнять чисто практические, утилитарные цели, особенно явственным этот процесс стал во второй половине XX в. Это также привело к обращению внимания на конструктивные особенности сооружений, на то, что называется тектоникой архитектуры. Именно тектоника тесно связана с конструкцией и оказывает непосредственное влияние на те формы взаимодействия людей, которые будут преобладающими в том или ином пространстве. Она, как правило, является средством организации жизненных процессов. Отношения, которые складываются между членами семьи, во многом определяются типом расчленения квартирного пространства или расположения комнат – изолированные или смежные. Это может во многом повлиять на степень близости отношений между людьми, проживающими в более открытом или закрытом пространстве. Из этого следует, что именно архитектура призвана обеспечивать не только физическую возможность расположения и перемещения в пространстве людей и предметов, но и оказывать эмоциональное воздействие на человека.

С точки зрения Ж.М. Гюйо, «архитектура есть искусство вводить жизнь в неподвижные вещи: строить – значит одушевлять. Архитектура, во-первых, организует материалы, приводит их в порядок; во-вторых, она подвергает их известному общему действию, которое одним движением поднимает постройку над почвой и гармонией линий, непрерывностью восходящего стремления делает легким то, что тяжело. Заставляет возвышаться и держаться прямо, в жизненном положении то, что стремится опускаться и распадаться» [7. С. 17].

Нетрудно заметить, что архитектура, в отличие от других видов искусств, теснее всего связана с жизнью человека и существует более длительный период, охватывая не только жизнь одного, но и многих поколений. Из этого следует, что каждое последующее поколение сталкивается с жизненной средой, организованной архитектурой не только современности, но и всех предыдущих поколений, оставивших свой след в виде построек. Такое положение дел накладывает отпечаток на все формы взаимодействия, но не всегда может сохранять именно те, для организации и существования которых данные постройки предназначались. Диссонанс может получаться и по совсем другой причине, когда современники начинают использовать при возведении построек формы архитектуры, к этому не предназначенные, примером может служить вилла Ротонда А. Палладио, в которой он пытался соединить элементы церковной и гражданской архитектуры. В итоге получилось красивое снаружи здание, но необжитое внутри, что не позволяло построить коммуникацию. Это доказывает тот факт, что форма (внешний облик здания) является в данном случае средством коммуникации, средством организации отношений, но может выступать и средством разрушения этих отношений, если нарушается гармония между формой и содержанием (функциональной принадлежностью здания). Соответствие внешнего облика постройки и ее утилитарной функции для каждого из нас означает установление связи между своим предметным окружением и различными контекстами среды и культуры в

целом. Это помогает, с одной стороны, сформировать представление о самом себе, а с другой – установить связь с другими, с миром.

Таким образом, на протяжении истории развития общества и архитектуры как ее отражения можно увидеть закономерности изменения и появления новых форм организации пространства и доминирующей формы коммуникации (горизонталь – вертикаль – горизонталь). Следовательно, коммуникативное пространство архитектуры можно определить как способы и формы организации внешнего и внутреннего пространства сооружений, отражающих и диктующих определенные нормы и правила поведения в обществе, а также его социальную структуру. Таким образом, архитектура, как и любое художественное произведение, является «авторской версией по поводу человека и его поведения, содержит и идеи, и опыт, которые существовали и были актуализированы в это время в обществе» [8. С. 87].

Литература

1. *Loyko, Dryga, Jae Park, Palianov* Modern Professional Education in the Global Society: Comparative Study // *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 206 (2015). P. 464–468.
2. *Троцкая А.И.* Аксиологический аспект социализации личности // *Сиб. пед. журн.* 2014. № 2. С. 79–83.
3. *Иконников А.В.* Художественный язык архитектуры. М. : Искусство, 1985. 175 с.
4. *Иконников А.В.* Функция, форма и образ в архитектуре. М. : Стройиздат, 1986. 288 с., с ил.
5. *Ванеян С.С.* Архитектура и иконография: «Тело символа» в зеркале классической идеологии. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 832 с.
6. *Тиц А.А.* Пластический язык архитектуры / А.А. Тиц, Е.В. Воробьев. М. : Стройиздат, 1986. 312 с.
7. *Гюйо Ж.М.* Искусство с точки зрения социологии. М. : ЛЕНАНД, 2015. 392 с.
8. *Дрёмова Л.И.* Хронотоп культуры // *Культурно-антропологические исследования.* 2011. № 1. С. 87–91.

Chaplya Tatyana V. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).
E-mail: Chap_70@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (2) 22, p. 114–121.
DOI: 10.17223/22220836/22/11

COMMUNICATIVE PROPERTIES OF ARCHITECTURE

Key words: *architecture, warrant, communication, interaction, communication space.*

The article investigates the interdependence of forms of communication and architecture in the human history. The author pays particular attention to the identification of new forms in the structure of the architectural composition appearing within certain historical periods, and their relationship with the concepts of the world and himself. In the Ancient history up to the Middle Ages it means connection of the architecture with Man, harmony with Man; in the Middle Ages it is the highest intensity of symbolic language and the process of urbanization; in the contemporary history – the blurring of distinct forms of space organization due to the social changes: the expanding of the boundaries, the appearing of mass production and mass culture. Those forms of communication in their dynamics appear as a transition from the horizontal cooperation to the vertical one and back again, and they are directly connected with the organization of the internal space of architecture.

The article examines the impact of internal space of architecture forms of behavior, interaction and emotional mood of the people in it. The author also points to the dependence of the changes in architectural forms by changing the man's relationship with the concepts of the world and himself on the example of Baroque architecture and classicism. On the one hand, it is expanding the boundaries of space, which resulted in the emergence of grand buildings and winding curves, the disappearance of clear boundaries between house and garden area, i.e. internal and external spaces. On the other hand, is the link between the form of government and the type of architecture: an absolute monarchy and sym-

metrical construction with a single center and the main line, clearly indicating the direction of travel. The second half of the 19th and early 20th century led to line production in the economy and in connection the distribution of standard forms in the architecture, the loss of a common symbol language and strengthening utilitarian tendencies. All of this has given rise to eclectic architectural forms and architectural language.

The article points out that the forms of interaction within the family, also depend on the area in which the family lives: isolated or jointly.

At the end of the article, the author defines the communicative space of architecture as the ways and forms of organizing the external and internal space of constructions, reflecting and dictating certain norms and rules of behavior in society, as well as the social structure itself.

References

1. Loyko, O., Dryga, S., Park, J. & Palianov, M. (2015) Modern Professional Education in the Global Society: Comparative Study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 206. pp. 464–468. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.10.084
2. Trotskaya, A.I. (2014) The axiological aspect of a person's socialization. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 2. pp. 79–83. (In Russian).
3. Ikonnikov, A.V. (1985) *Khudozhestvennyy yazyk arkhitektury* [The Artistic Language of Architecture]. Moscow: Iskusstvo.
4. Ikonnikov, A.V. (1986) *Funktsiya, forma i obraz v arkhitekture* [Function, Form and Image in Architecture]. Moscow: Stroyizdat.
5. Vaneyan, S.S. (2010) *Arkhitektura i ikonografiya: "Telo simvola" v zerkale klassicheskoy ideologii* [The architecture and Iconography: "The body of a symbol" in the mirror of classical ideology]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Tits, A.A. & Vorobyev, E.V. (1986) *Plasticheskiy yazyk arkhitektury* [the Plastic Language of Architecture]. Moscow: Stroyizdat.
7. Guillot, J.M. (2015) *Iskusstvo s tochki zreniya sotsiologii* [Art from the perspective of sociology]. Translated from French. Moscow: LENAND.
8. Dremova, L.I. (2011) Khronotop kul'tury [The Chronotope of Culture]. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 87–91.